

Моги́льник Отлинский-1 (итоги раскопок 2024 года)

Белицкая А. Л.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
belitskaia522@yandex.ru

Аннотация

В статье вводятся в научный оборот результаты раскопок 2024 г. могильника Отлинский-1, открытого в 1975 г. Л. Л. Косинской, которой было изучено одно погребение – № 6. Памятник отнесен к вымской археологической культуре, датирован XI–XIV вв.; обряд погребения определен как кремация. В дальнейшем не исследовался раскопками, однако его масштабное разрушение кладоискателями в период 2016–2020 гг. привело к необходимости проведения аварийно-спасательных работ. Раскопом площадью 64 кв. м вскрыты четыре погребения из «западной» группы захоронений – № 22–24 и 31. В итоге установлен факт неоднократного нарушения могильных ям в более раннее, чем 2010-е гг., время. Найдены костные останки двух индивидуумов и немногочисленный, сильно поврежденный погребальный инвентарь. Полученные в 2024 г. материалы позволяют скорректировать данные Л. Л. Косинской: для захоронений характерен обряд ингумации, время функционирования памятника, вероятно, XIII–XIV вв., его этнокультурная атрибуция – поздний этап вымской культуры.

Ключевые слова:

погребальный обряд, ингумация, вымская археологическая культура, поздний железный век, кладоискатели, аварийно-спасательные раскопки

Введение

Грунтовый могильник Отлинский-1¹ расположен на останце I надпойменной террасы, находящейся в отдалении от современного русла р. Вымь, в 1,1 км к ССЗ от дер. Верхняя Отла Княжпогостского района Республики Коми (рис. 1). Поверхность террасы занята невысокой золовой дюной с двумя гривками высотой 0,8 м и понижением между ними, по которому проходит лесная дорога. На гривках находятся две группы погребений – восточная (погребения № 1–21) и западная (погребения № 22–32), выраженные на поверхности в виде неглубоких овальных впадин, ориентированных перпендикулярно длинной оси дюны – ССВ–ЮЮЗ (западная группа) или СВ–ЮЗ (восточная группа) (рис. 2).

¹ Памятник внесен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, регистрационный номер – 111440072990006, поставлен на учет Указом Президента РФ № 176 от 20.02.1995.

В научной литературе используется название «Отлинский I могильник», однако в данной статье наименование дано в соответствии с ЕГРОКН.

Burial ground Otlinsky-1 (excavation results 2024)

Belitskaia A. L.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
belitskaia522@yandex.ru

Abstract

The results of the excavations of the Otlinsky-1 burial ground in 2024 are introduced into scientific circulation. The site was discovered in 1975 by L. L. Kosinskaya, who studied burial № 6. The site belongs to the Vym archaeological culture, dated back to the XI–XIV centuries; the burial rite is defined as cremation. It was not further investigated by excavations, but its large-scale destruction by treasure hunters in the period 2016–2020 led to the need for emergency rescue operations. Excavation area of 64 sq. m., 4 burials from the «western» group of burials, № 22–24 and 31, were excavated. As a result, the fact of repeated disturbance of burial pits at an earlier time than the 2010s was established. The skeletal remains of two individuals and a few heavily damaged burial implements were found. The materials obtained in 2024 allow us to correct the data of L. L. Kosinskaya: the burial rite of inhumation is characteristic of the burials, the time of the site functioning is probably the XIII–XIV centuries, its ethnocultural attribution is the late stage of the Vym culture.

Keywords:

funeral rite, inhumation, Vym archaeological culture, Late Iron Age, treasure hunters, rescue excavations

Памятник выявлен в 1975 г. Л. Л. Косинской, в то время сотрудником Коми республиканского краеведческого музея (ныне Национальный музей Республики Коми). На поверхности террасы, в 70 м от палеорусла Выми, которое сейчас заболочено, ею зафиксировано 26 впадин, расположенных отдельными группами параллельными ее краю. Шурфом на глубину 0,4 м вскрыто одно погребение (№ 6), совершенное, по мнению Л. Л. Косинской, по обряду кремации. Аналогии погребальному инвентарю² (фрагменты украшений из цветного металла и бусина из глухого стекла) позволили предварительно датировать Отлинский-1 могильник XI–XIV вв. и отнести памятник к вымской археологической культуре позднего железного века [1, с. 113; 2, с. 14–16].

В 2015 г. В. Н. Кармановым было проведено обследование объекта археологического наследия (ОАН), им зафик-

² Коллекция Национального музея Республики Коми НМРК КП-6068/1–4.

сированы 32 впадины, включая исследованную в 1975 г., и установлена граница его территории. Она проведена по подножию дюны, на которой расположены погребения, и представляет собой неправильный четырехугольник площадью 0,79 га. Состояние сохранности памятника было признано удовлетворительным [3, с. 45–46].

В 2021 г., во время очередного мониторинга физического состояния ОАН, Управлением Республики Коми по охране объектов культурного наследия на территории Отлинского-1 могильника зафиксированы многочисленные следы грабительских действий кладоискателей, совершенных в период 2016–2020 гг. Закопками или более масштабными вкопами, охватывающими всю видимую поверхность впадин, нарушено 17 из 32 объектов; разрушения прослеживаются и в межмогильном пространстве. Наличие столь масштабных повреждений и отсутствие данных о погребальном обряде Отлинского-1 могильника обусловили необходимость проведения в 2024 г. аварийно-спасательных работ. Раскопом площадью 64 кв. м в «западной» группе было вскрыто четыре наиболее пострадавших от рук кладоискателей захоронения – № 22–24, 31 (фото 1, 2).

Характеристика памятника

Участки территории, подвергшиеся наиболее активному антропогенному воздействию, находились на гребне дюны, в центральной и западной частях раскопа. Его следы фиксировались в виде сооружения в древности объектов – погребений, и их разрушений в последующее время. Следы деятельности по организации некрополя и его дальнейшей трансформации отразились как в стратиграфии почвенных слоев, так и в планиграфии расположения культурных остатков.

Последовательность вскрытых раскопом 2024 г. почвенных отложений типична для иллювиально-железистых подзолов Европейского Севера России и однообразна, за исключением участков, подвергшихся наиболее интенсивному антропогенному влиянию. По всей площади раскопа наблюдаются три основных слоя: слабо развитая растительная лесная подстилка с хвойным опадом,

Фото 1. Могильник Отлинский-1. Вид на территорию памятника с погребениями № 22, 31, пострадавшими от действий кладоискателей. Снимок с ЮЮЗ.

Photo 1. Burial ground Otlinki -1. View of the territory of the site with burials No. 22, 31, affected by the actions of treasure hunters. Photo from the South-South-West.

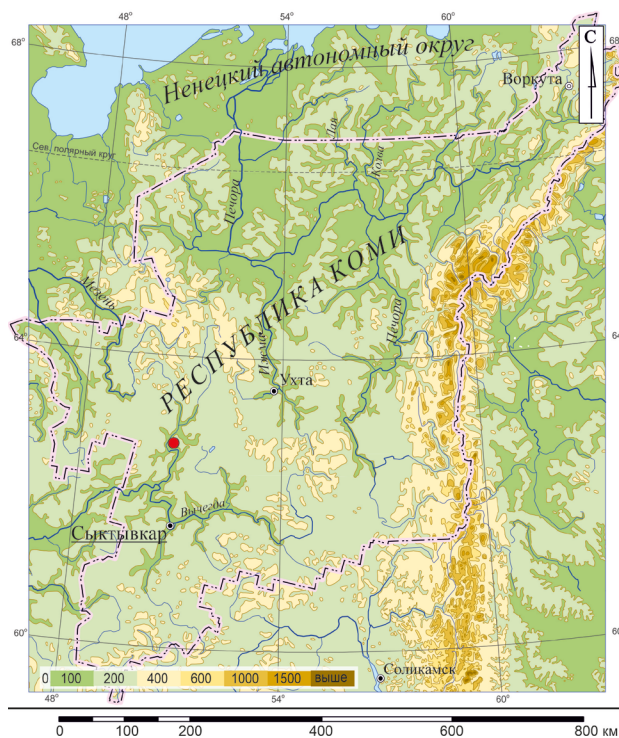

Рисунок 1. Месторасположение объекта археологического наследия «Могильник Отлинский-1».

Pic. 1. Location of the archaeological heritage site «Burial ground Otlinki -1».

белесый оподзоленный песок (элювиальный горизонт), мощность которого варьирует, и желтый песок с ожелезнениями, светлеющий по мере углубления (иллювиальный горизонт). Белесый песок представляет собой культуровмещающие отложения, древнюю или современную дневную поверхность; желтый песок – нетронутые отложения, так называемый «материк». Все остальные слои, выявленные в 2024 г., являются их модификацией и результатом сочетания механического и геохимического факторов. Это:

– пылеватый светло-желтый грунт – перемещенный иллювиальный песок, выкид при обустройстве погребений;

Фото 2. Могильник Отлинский-1. Вид на территорию памятника с погребениями № 23, 24, пострадавшими от действий кладоискателей. Снимок с Ю.

Photo 2. Burial ground Otlinki -1. View of the territory of the site with burials No. 23, 24, affected by the actions of treasure hunters. Photo from the South.

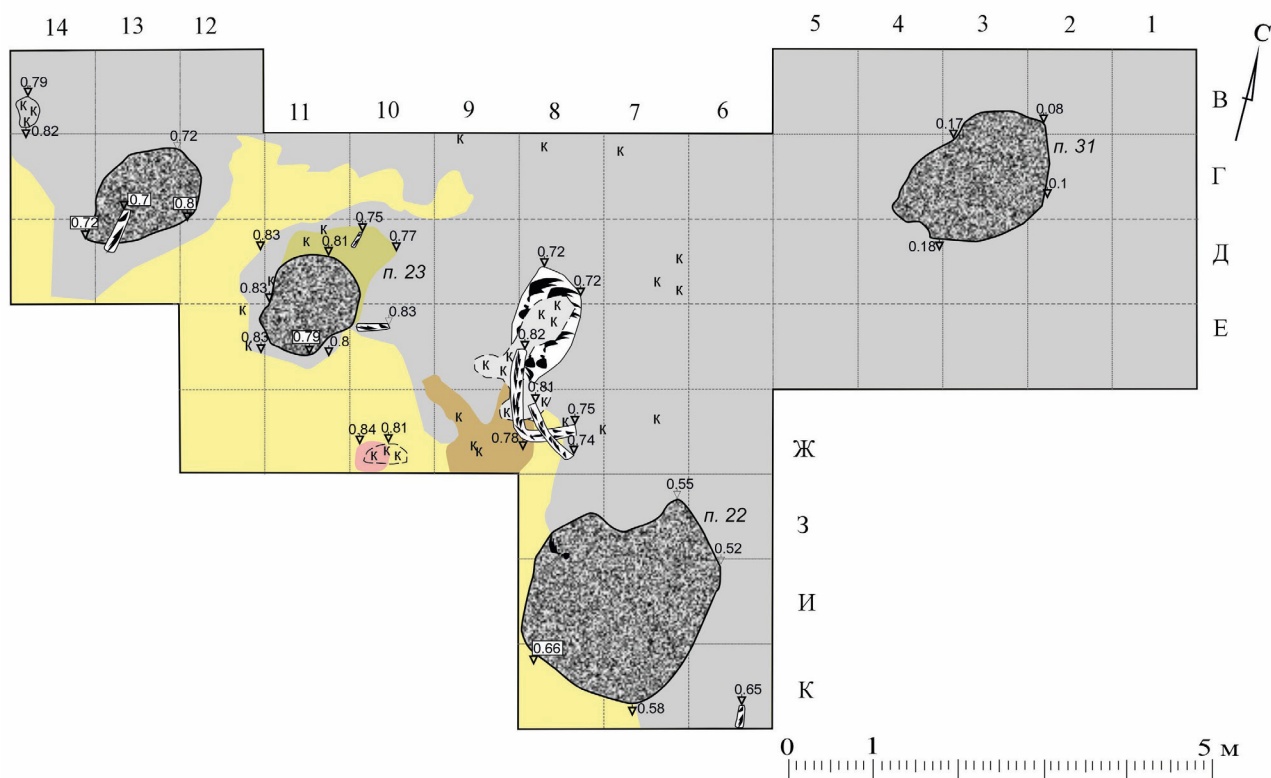

Рисунок 3. Могильник Отлинский-1. Чертеж поверхности раскопа на уровне I горизонта (0-15 см).
 Рис. 3. Burial ground Otlinsky -1. Excavation surface drawing at the level I of horizon (0-15 cm).

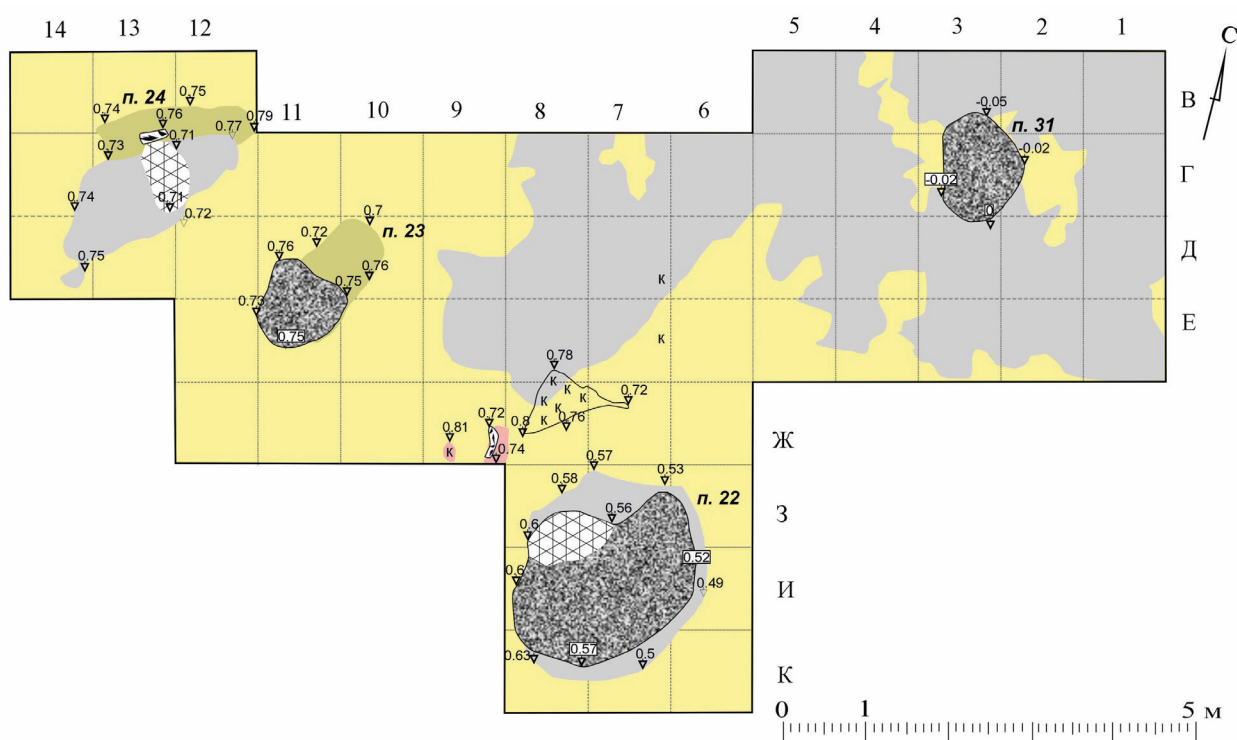

Рисунок 4. Могильник Отлинский-1. Чертеж поверхности раскопа на уровне II горизонта (15-25 см).
 Рис. 4. Burial ground Otlinsky -1. Excavation surface drawing at the level II of horizon (15-25 cm).

– рыхлый смешанный белесо-желтый песок с включениями – заполнение погребений и грабительских вкопов. В последних наблюдается интенсивное прорастание корней кустарниковых растений, чем они выделяются в плане;

– рыхлый смешанный желто-сероватый песок, следы грабительского выкида второй половины XIX – начала XX в. из погребений, перекрывшего древнюю дневную поверхность;

– рыхлый светло-серый песок, перемешанный с эластичным органическим веществом. Генезис слоя неясен, предположительно, это переотложенная лесная подстилка, представленная сфагнумом, перемешанная с грунтом (выкид из погребения?) в неуставленное время;

– рыхлый песок розоватого цвета. Происхождение неясно, цвет может быть следствием каких-то геохимических процессов в результате взаимодействия с органикой, в том числе с обугленными плахами и фаунистическими остатками, выброшенными из погребения № 22.

Культурные остатки за пределами погребений содержались преимущественно в белесом песке, на глубине до 0,3 м (I–III условные горизонты) (рис. 3, 4). Оподзоленный песок покрывал площадь раскопа после снятия дерна. На его фоне выделялись неоднородные по цвету вытянутые пятна – контуры погребений № 22–24. На участках, куда кладоискатели откидывали грабительский отвал из погребений № 22 и 24, найдены скопления мелко раздробленных кальцинированных костей и обломки обугленных плах (фото 3). Наиболее вероятно, что это следы разрушений,

Фото 3. Могильник Отлинский-1. Скопление мелких кальцинированных костей на уровне I горизонта (0–15 см), кв. Ж-10. Снимок сверху.
Photo 3. Burial ground Otlinsky -1. Accumulation of small calcified bones at the level I of horizon (0–15 cm), sq. Ж-10. Photo from above.

Фото 4. Могильник Отлинский-1. Остатки обугленной плахи из погребения № 22 на уровне IV горизонта (35–45 см), кв. К-8. Снимок сверху.
Photo 4. Burial ground Otlinsky -1. The remains of a charred block from burial No. 22 at the level IV of horizon (35–45 cm), sq. К-8. Photo from above.

совершенных во второй половине XIX – начале XX в. На современной дневной поверхности эти следы не фиксировались и были хорошо задернованы. Единственная прослеженная закономерность в их размещении – расположение к ССЗ от погребения № 22.

В ходе работ стало ясно, что имеющиеся данные как об обряде погребения, так и о степени воздействия на объекты памятника крайне ограничены, и картина на самом деле гораздо сложнее. Во-первых, наряду с кладоискательскими вкопами 2016–2020 гг., были выявлены следы разрушений, совершенных гораздо ранее, и, вероятно, неоднократно. Современные разрушения, за исключением тех, что уничтожили погребение № 31, были компактными и имели вид неглубоких закопушек. Они не нанесли большого ущерба могильным ямам, так как пришлось на более старые нарушения, которые могли быть совершены во второй половине XIX – начале XX в. В это время среди местных крестьян был распространен поиск «чуждских древностей» для их дальнейшей продажи [4, с. 42]. Эти вкопы, в отличие от современных, более обширные и глубокие, охватывали всю могильную яму, как в случае с погребением № 22. Помимо них, встречены компактные глубокие ямки, которые до начала земляных работ не фиксировались на поверхности, как в случае с погребениями № 23 и 24. Это говорит в пользу значительного срока произведенных нарушений. Возможно, они были совершены вскоре после погребения умершего.

Во-вторых, было установлено, что глубина погребений в два раза больше, чем вскрытая Л. Л. Косинской в 1975 г., и ниже слоя мелких кальцинированных костей находятся ингумированные останки умерших. Этот факт меняет существовавшие представления о погребальном обряде Отлинского-1 могильника.

Погребения

В ходе полевых работ 2024 г. изучено четыре погребения в западной части Отлинского-1 могильника – № 22–24 и 31.

Погребение № 22 (кв. 3-К/6-8) (рис. 5) располагалось южнее основного ряда могильных ям и было выражено на поверхности до начала земляных работ в виде аморфной задернованной впадины размерами 200 x 194 см, ориентированной по линии С-Ю. У ее западного края дерн отсутствовал: именно на эту часть пришелся грабительский вкоп 2016–2020 гг. размерами 100 x 63 x 30 см. С юго-восточной и восточной от ямы сторон подзол был перекрыт смешанным желто-сероватым песком – остатками отвала кладоискателей второй половины XIX – начала XX в.

На III условном горизонте в материковом песке желтого цвета оконтурилась яма овальной формы, ориентированная по линии ССВ-ЮЮЗ. Вероятно, в момент совершения захоронения могила была перекрыта в верхней части настилом из обугленных досок, остатки которых лежали на ее южном краю (фото 4). Другие части деревянной конструкции оказались отброшены вместе с кальцинированными костями за южный край и к ССЗ от нее.

Контуры практически всей могильной ямы нарушены двумя грабительскими вкопами, один из которых разрушил ее северную часть, второй – центральную. Северный, размерами 46 x 80 см, читался как пестрое, овальное пятно,

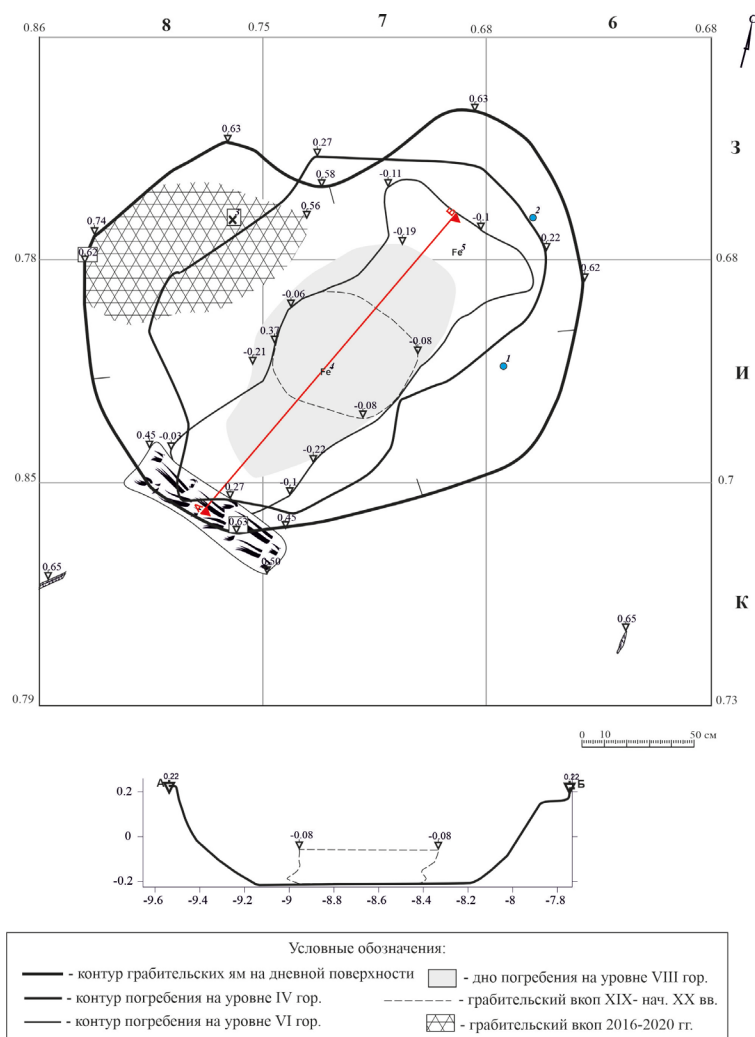

Рисунок 5. Могильник Отлинский-1. Чертеж погребения № 22 и его продольный профиль: 1, 2 – стеклянная бусина (гл. 0,47 и гл. 0,36 м соответственно); 3 – кремневый осколок (гл. 0,29 м); 4 – фрагмент железного кольца (гл. -0,05 м); 5 – железное изделие, деталь крепления(?) (гл. -0,25 м).

Pic. 5. Burial ground Otlin'sky-1. Drawing of burial No. 22 and its longitudinal profile. 1, 2 – glass bead (depth 0.47 m; depth 0.36 m), accordingly; 3 – flint fragment (depth 0.29 m); 4 – fragment of an iron ring (depth -0.05 m); 5 – iron product, fastening part(?) (depth -0.25 m).

вытянутое по линии ВЮВ-ЗСЗ. Его заполнение практически идентично заполнению погребения – смешанный белесо-желтый песок. Следы центрального вкопа размерами 62 x 55 см сохранились в виде овального пятна белесого смешанного песка с большим количеством корней в заполнении, вытянутого по линии ССЗ-ЮЮВ. Оба вкопа достигают дна могильной ямы.

Глубина погребения № 22 могла составлять до 0,7 м, сохранившаяся часть имеет размеры около 124 x 57 см. Судя по контуру на дне, оно было овальной формы, ориентировано по линии С-Ю. Всего длина погребения могла составлять около 157 см. Костные останки не найдены.

У восточной стороны погребения в заполнении на разной глубине находились две стеклянные бусины – серебристо-стеклянная(?) (рис. 6, 1) и полупрозрачная синяя (рис. 6, 2). В грабительском вкопе 2016–2020 гг. лежал кремневый осколок. Центральный вкоп содержал на дне фрагмент железного кольца (рис. 6, 14), северный – железное изделие неясного назначения (рис. 6, 13).

Судя по цвету заполнения, перемещенным деревянным конструкциям, отсутствию в пределах захоронения костей как сырых, так и кальцинированных, бессистемному положению находок, погребение № 22 разрушалось неоднократно, до дна. Вероятно, наибольший ущерб нанесли кладоискатели второй половины XIX – начала XX в. Действия грабителей периода 2016–2020 г. носили локальный характер и затронули верхи старого вкопа без существенного урона остаткам самого погребения.

Погребение № 23 (кв. Г-Е/10-12) (рис. 7) находилось на вершине дюны. На поверхности до начала работ выделялся грабительский вкоп в виде овальной задернованной впадины размерами 150 x 100 см, ориентированной по линии С-Ю. Закопушка периода 2016–2020 гг. размерами 40 x 40 x 30 см была наложена на ее западную сторону, а нетронутая часть погребения находилась к северу, в виде полуовального пятна серо-коричневого песка.

Могильная яма ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ, нетронутая часть размерами 110 x 60 см и глубиной до 80 см. На ее дне исследованы останки погребенного, лежавшего скорченно на правом боку головой на север. Сохранились прядь волос, череп с нижней челюстью, ребра, тазовые кости, кости конечностей, несколько позвонков и фаланги пальцев. Антропологическое определение показало, что погребение № 23 – женское, возраст индивидуума 16–19 лет³. Следы прижизненных травм и хронических заболеваний, которые могли бы стать причиной смерти погребенного, отсутствуют.

Под дерном были найдены остатки обугленной плахи, ориентированной по линии ЗЮЗ-ВССВ, на которой лежал фрагмент нижней части бубенчика из цветного металла с линейной прорезью и расширением на концах (рис. 6, 3). По всей мощности заполнения погребения № 23, особенно в его нетронутой части, найдены многочисленные мелкие кальцинированные кости, а также изделия из железа и цветного металла, подвергшиеся действию огня (рис. 6, 6, 8–10). Можно предположить, что это были украшения, но установить однозначно невозможно. Из определимых вещей найдены спиралевидные пронизки (рис. 6, 7) и часть изделия в виде фрагмента пластинчатого стерженька, обломанного с двух сторон (рис. 6, 5).

Погребение № 24 (кв. В-Д/12-14) (рис. 8) находилось в 1,2 м к западу от погребения № 23. Оно не было выражено на поверхности, зато к югу от него читалась впадина с остатками обугленных плах, заполненная белесым пе-

³ Определение пола и возраста захороненных выполнено с.н.с. отдела фондов БУК Вологодской области «Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» Т. А. Пантелеевой.

Рисунок 6. Могильник Отлинский-1. Инвентарь из раскопок 2024 года: 1, 2 – стеклянная бусина; 3 – фрагмент бубенчика из цветного металла с линейной прорезью; 4 – фрагмент грушевидного(?) бубенчика из цветного металла; 5 – стерженек из цветного металла; 6, 8–11 – оплавленное изделие из цветного металла; 7 – спиралевидная пронизка из цветного металла; 12 – накладка из цветного металла; 13 – железное изделие, шнеллер путлища седла(?); 14 – фрагмент железного кольца. 1, 2, 13, 14 – погребение № 22; 3, 5–10 – погребение № 23; 4, 11, 12 – погребение № 31.

Pic. 6. Burial ground Otlinki-1. Inventory from the excavations of 2024. 1, 2 – a glass bead; 3 – a fragment of a bell made of non-ferrous metal with a linear slot; 4 – a fragment of a pear-shaped(?) bell made of non-ferrous metal; 5 – a rod made of non-ferrous metal; 6, 8–11 – a fused product made of non-ferrous metal; 7 – a spiral-shaped thread decoration made of non-ferrous metal; 12 – a non-ferrous metal plate; 13 – an iron product, a schneller of a saddle path (?); 14 – a fragment of an iron ring. 1, 2, 13, 14 – burial No. 22; 3, 5–10 – burial No. 23; 4, 11, 12 – burial No. 31.

ском, первоначально принятая за могильную яму. Часть ее была разрушена компактным грабительским вкопом размерами 50х56х20 см периода 2016–2020 гг.

Первые признаки погребения № 24 в виде овального пятна смешанного песка, вытянутого по линии З-В, обозначились на уровне IV условного горизонта. Оно имело овальную форму, размеры 150х70 см, наклонные стенки, и было деформировано с юга компактным вкопом размерами 40х70 см, который практически не отличался от основного заполнения погребения. Глубина погребения № 24 – до 80 см.

Останки погребенного индивидуума выявлены на V–VII условных горизонтах. Сохранились череп, кости ног и ребра. Умерший лежал скорченно на левом боку, ориентирован по линии З-В. Антропологическое определение показало, что в погребении № 24 захоронен мужчина 30–34 лет. Следы прижизненных травм и хронических заболеваний, которые могли бы стать причиной смерти погребенного, отсутствуют.

Находки из погребения № 24 представлены двумя мелкими оплавленными слитками из цветного металла, лежавшими в заполнении. Возможно, это остатки украшений, но однозначное определение не представляется возможным.

Погребение № 31 (кв. В-Д/2-4) (рис. 9) было расположено на склоне «западной» грядки к западу от основной группы ям. До начала земляных работ на его месте находился обширный аморфный грабительский вкоп, ориентированный по линии ВСВ-ЗЮЗ, окруженный выкидом. На II–III условных горизонтах вкоп приобрел овальную форму, его ориентировка изменилась – ССЗ-ЮЮВ. Вероятно, так была ориентирована могильная яма. Грабительский вкоп доходил до уровня IV условного горизонта, никаких следов могильной ямы, деревянных конструкций, костных останков на месте погребения № 31 не обнаружено. Все находки из него сделаны при просейке грабительского выкида; в основном, это оплавленные слитки неясного назначения,

возможно, украшения (рис. 6, 11), мелкая подквадратная накладка(?) (рис. 6, 12) и грушевидный(?) бубенчик из цветного металла (рис. 6, 4).

Инвентарь и вопросы датировки Отлинского-1 могильника

Инвентарь изученной части памятника скуден и малоинформативен, поэтому установить узкие рамки функционирования Отлинского-1 могильника на настоящем уровне исследованности невозможно. Предметы подвергались воздействию огня. Можно предположить, что они вместе

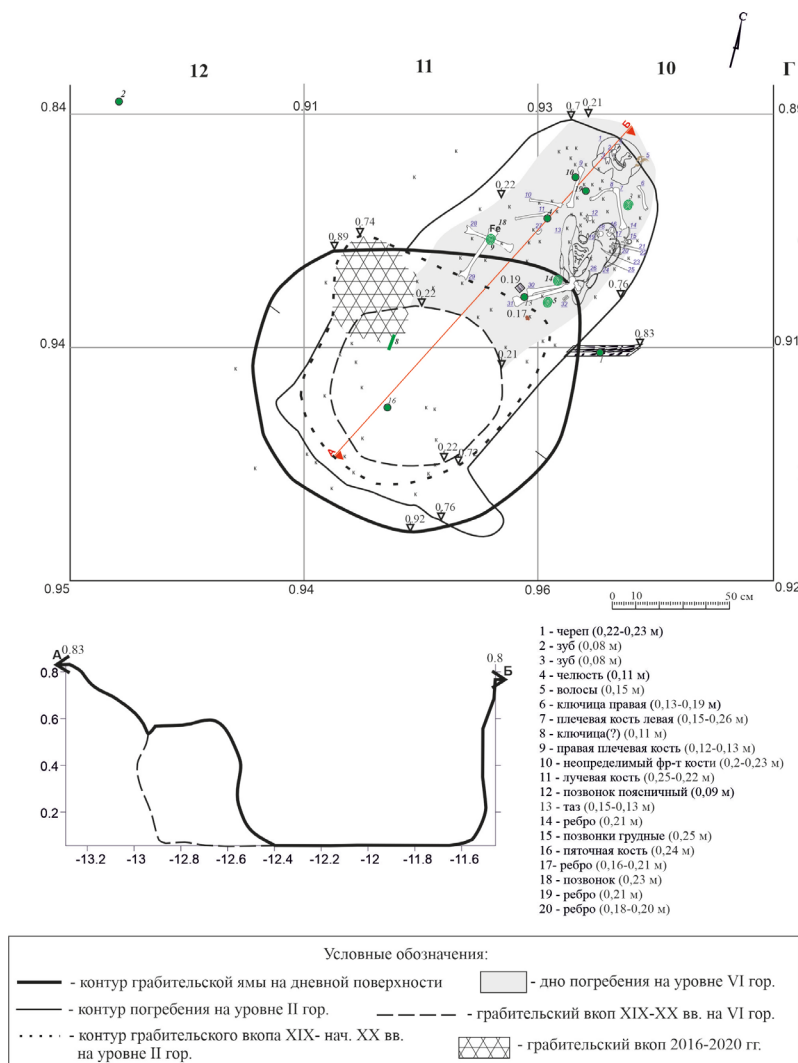

Рисунок 7. Могильник Отлинский-1. Чертеж погребения № 23 и его продольный профиль: 1 – фрагмент бубенчика (гл. 0,84 м); 2, 4, 8, 9, 11, 13 – фрагменты оплавленного украшения из цветного металла (гл. 0,75; 0,7; 0,58; 0,49; 0,37; 0,12 м соответственно); 3, 5, 7, 10 – фрагменты спиралевидной пронизки (гл. 0,77; 0,59; 0,56; 0,45 м соответственно); 6 – стерженек из цветного металла (гл. 0,6 м); 12 – фрагмент изделия из железа (гл. 0,21 м).

Pic. 7. Burial ground Otlinsky -1. Drawing of burial No. 23 and its longitudinal profile. 1 – a fragment of a bell (depth 0.84 m); 2, 4, 8, 9, 11, 13 – a fragment of a fused non-ferrous metal adornment (depth 0.75; 0.7; 0.58; 0.49; 0.37; 0.12 m); 3, 5, 7, 10 – a spiral-shaped thread decoration fragment (depth 0.77; 0.59; 0.56; 0.45 m); 6 – a rod made of non-ferrous metal (depth 0.6 m); 12 – a fragment of an iron product (depth 0.21 m).

с одеждой умершего сжигались на стороне и ссыпались в могильную яму в ходе процесса захоронения. Оружие, хозяйственные инструменты, посуда, бытовые или культовые вещи не найдены. Большая часть предметов – аморфные фрагменты неопределимых изделий, предположительно, мелких украшений.

Нет уверенности, что кремневый осколок, найденный в верхах грабительского вкопа периода 2016–2020 гг., принесен на территорию могильника преднамеренно. Но следует отметить, в погребениях Ыджыдъельского и Вадьягского могильников тоже были найдены куски кремня.

Железное изделие неясного назначения (рис. 6, 13), размерами 6,6 x 3,4 см, изготовлено, вероятно⁴, из трех частей: верхней прямоугольной рамки, нижней пластины с загну-

⁴ Изделие сильно коррозировано, характер крепления установить невозможно.

тыми краями и штифта, который крепится посередине снизу к пластине. Внешне оно напоминает крупную пряжку без язычка или шнеллер путлища седла. Функциональная принадлежность остается неясной, но, даже несмотря на плохую сохранность вещи, можно предполагать, что она – этнографическая и относится ко времени совершения кладоискательских разрушений погребений второй половины XIX – начала XX в.

Спиралевидные пронизки (рис. 6, 7), подобные найденным в погребении № 23, были широко распространены в железном веке в качестве разделителей в составных украшениях, поэтому считаться датирующим материалом они не могут. К последним можно отнести четыре предмета: две бусины (экземпляр из раскопок 1975 г. в коллекции Национального музея Республики Коми отсутствует) и фрагменты двух бубенчиков. Ю. Л. Щапова считает, что в домонгольское время на территории Древней Руси бусы редко носили в виде больших ожерелий, чаще шейное украшение состояло из нескольких стеклянных бус в сочетании с металлическими привесками [5, с. 86]. Вероятно, это же можно сказать о костюме населения, оставившего Отлинский-1 могильник.

Обе бусины найдены рядом с погребением № 22 на разных уровнях заполнения грабительского вкопа второй половины XIX – начала XX в. Они стеклянные, зонные, изготовлены путем навивки на основу размягченной стеклянной массы. Этот способ – серийный, для массового производства, что сильно затрудняет поиск аналогий в связи с широким распространением подобных видов бус.

Синяя полупрозрачная бусина (рис. 6, 2) патинирована, ее размеры: высота – 0,3–0,35 см, внешний диаметр – 0,7 см, диаметр канала – 0,2 см. В погребениях других могильников вымской культуры синие бусы относятся к категории наиболее распространенных [6, с. 144–145]. По мнению Э. А. Савельевой, они встречаются на Жигановском могильнике в погребениях XII–XIII вв., а на Ыджыдъельском могильнике входят в комплексы, датируемые XII–XIII и XIII–XIV вв. [7, с. 24–27].

На Пожегском городище найдены две бусины из темно-синего прозрачного стекла, изготовленные в технике навивки. Авторы публикации материалов городища, вслед за Ю. Л. Щаповой, указывают, что такие экземпляры характерны для X–XI вв. Однако темно-синий цвет стекла получается при использовании кобальта, который не был известен древнерусским мастерам в качестве красителя. Поэтому вплоть до XIV в. в распространении изделий из

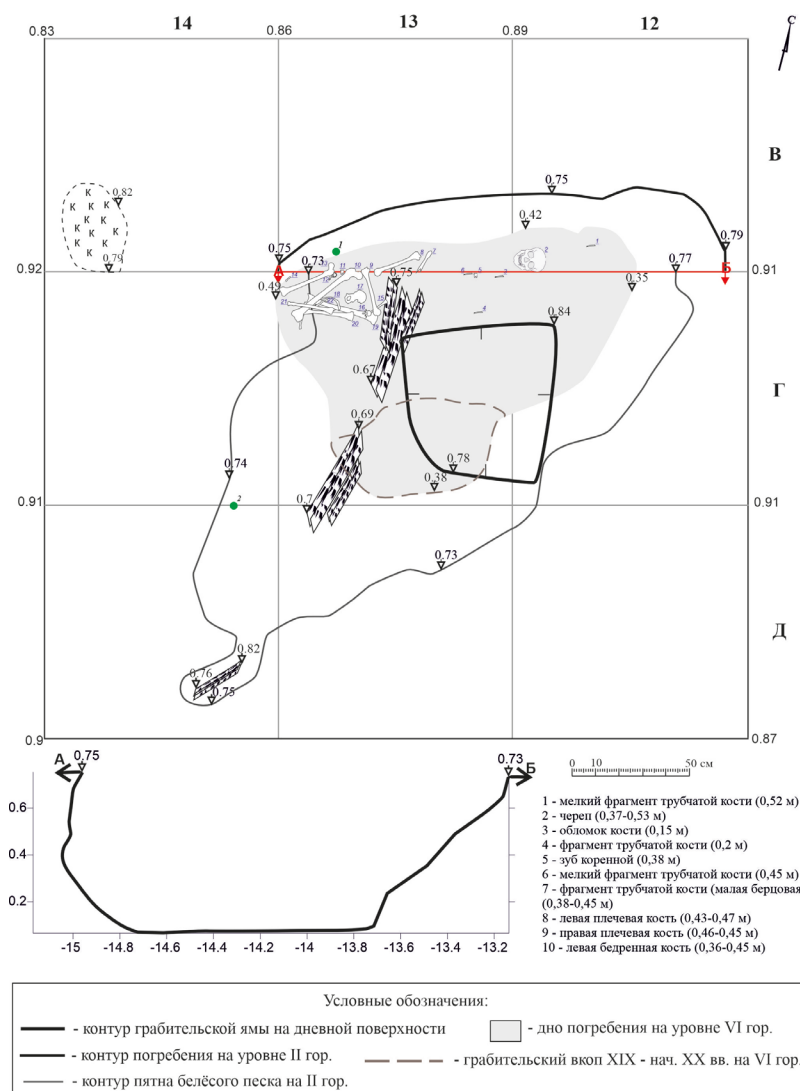

Рисунок 8. Могильник Отлинский-1. Чертеж погребения № 24 и его продольный профиль: 1, 2 – фрагменты оплавленного украшения из цветного металла (гп. 0,33; 0,77 м).
 Рис. 8. Burial ground Otlinsky-1. Drawing of burial No. 24 and its longitudinal profile: 1, 2 – fragments of a fused decoration made of non-ferrous metal (depth 0.33; 0.77 m).

кобальтово-синего стекла усматривают влияние византийских и причерноморских мастеров.

В Новгороде стратиграфически выделены два варианта синих зонных бус. Первый имеет киевское происхождение и характерен для X–XI вв., источник второго, датируемого началом XII–XIV в., не установлен. В Киеве производство бус было сконцентрировано до середины XII в., после появляется несколько провинциальных центров стеклоделия, в том числе и в Новгороде [8, с. 164–165; 9, с. 80].

В материалах Старой Ладogi – древнерусского центра торговли между Европой, Востоком и финно-угорскими племенами, синие зонные бусы немногочисленны и встречаются в слоях, датируемых X–XI вв. По мнению З. А. Львовой, место их производства – северная Европа, что подтверждается немногочисленностью: ареал распространения – Скандинавия, северные и отчасти центральные районы Восточной Европы IX–XI вв. [10].

Стеклянные зонные синие бусы встречаются и на памятниках золотоордынского времени. В кочевнических

погребениях они датируются второй половиной XIII–XIV в. [11, с. 206]. Для вещей из золотоордынских городов Н. Н. Бусяцкая находит аналогии в домонгольских памятниках Средней Азии, Новгороде, в слоях XII – начала XIII в., Саркеле, Херсонесе, курганах северо-западной Руси XIII–XIV вв., слоях XIII–XIV вв. Московского Кремля [12].

Таким образом, датировка синей бусины может укладываться как в рамки X–XI вв., так и XII–XIII, XIII–XIV вв. Для уточнения ее хронологической принадлежности необходим химический анализ состава стекла, который позволит установить центр производства.

Высота второй бусины – 0,4–0,45 см, внешний диаметр – 0,6 см, диаметр канала – 0,2 см (рис. 6, 1). Степень ее сохранности хуже, чем у первой: она имеет легко отходящее серебристое покрытие, под которым полупрозрачное грязновато-желтое стекло. Способ изготовления неясен: это может быть как подвергнувшееся действию огня расслоившееся серебростеклянное, так и ложнозолотостеклянное изделие. Последними считаются бусы, покрытые серебряной фольгой и имеющие слой из прозрачного желтого стекла, за счет которого и достигается эффект золочения [9, с. 84–88]. Этим они отличаются от золото- и серебростеклянных, имеющих два слоя прозрачного стекла, между которыми помещена фольга из драгоценного металла. Сомнение в технике производства не дает возможности уверенного поиска аналогий для нее. Если это золотостеклянный экземпляр, тогда он может быть датирован X–XI, и XII–XIII, и XIII–XIV вв. [7 с. 24–27; 13, с. 85–88], в зависимости от химического состава стекла и технических особенностей их изготовления.

Изделие из цветного металла из погребения № 31 (рис. 6, 4) также не может служить надежным хроноиндикатором для датировки Отлинского-1 могильника. Из-за отсутствия второй половины и деформации неясны вид изделия – бубенчик или привеска, а также его форма – шаровидная или грушевидная. Размеры фрагмента украшения – 1,9 x 1,2 см. Вещи, обладающие с ним сходством, встречаются на Вадьягском (погребение № 7) и Жигановском (погребение № 68) могильниках [6, с. 86, рис. 29, 36; 13, с. 286, рис. 156]. Оба памятника относятся к XII–XIV вв., к позднему этапу вымской культуры; погребение № 68 Жигановского могильника принадлежит комплексу второй половины XIII в.

От бубенчика из погребения № 23 сохранилась только нижняя часть размерами 1,5 x 1,1 см (рис. 6, 3). Это литой тонкостенный со щелевидной прорезью экземпляр. По классификации Э. А. Савельевой он относится к типам 2

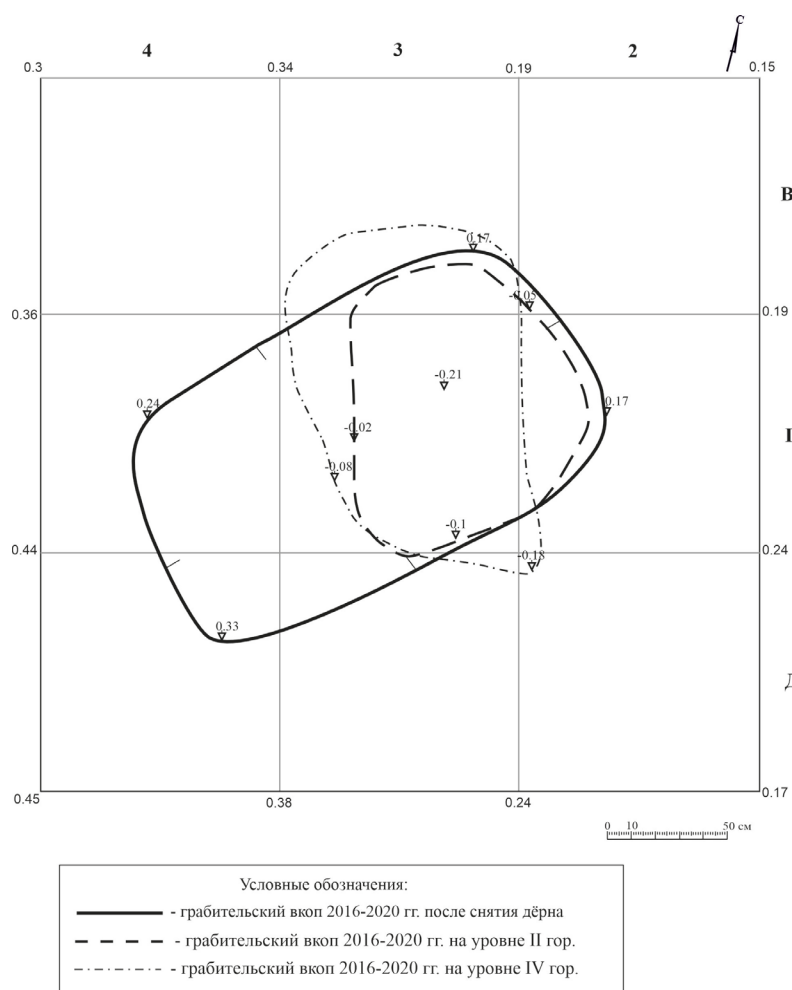

Рисунок 9. Могильник Отлинский-1. Погребение № 31.
Pic. 9. Burial ground Otlinsky -1. Burial No. 31.

или 3 [6, с. 85], более однозначно судить сложно в связи с его фрагментарностью.

Бубенчики с расширяющейся на концах прорезью были распространены на памятниках позднего периода вымской культуры. Они есть на Пожегском городище, датирующемся XII–XIV вв. [14, с. 21, рис. 9, 2], упоминавшихся выше Жигановском и Вадьягском могильниках [15, с. 50]. Экземпляры украшений со щелевидной прорезью встречаются в погребениях раскопа I Жигановского некрополя, датируемых, в зависимости от типа изделия, первой четвертью – первой половиной XII в. и второй половиной XIII–XIV в. [13, с. 99–100]. На памятниках Сургутского Приобья К. Г. Карачаров датирует такие бубенчики XIV в. [16, с. 211, рис. 1, 26, 27].

Э. А. Савельева указывает, что подобные украшения были характерны для северных славян [6, с. 88], вероятно, имея в виду северо-западные княжества Древней Руси. Подавляющее большинство захоронений с бубенчиками было женскими, наиболее вероятно, что они были характерны именно для женского наряда [17, с. 133].

Поскольку верх бубенчика не сохранился, то точная датировка по классификации, предложенной Ю. М. Лесманом для новгородских украшений, невозможна; остаются только общие хронологические рамки – XI–XIII вв. [18, с. 60–62]. Этой же датировки для шаровидных бубен-

чиков со щелевидной прорезью придерживаются В. А. Мальм и М. В. Фехнер. Временем наибольшего их распространения они считают XII в. [17, с. 136–137]. Однако тут следует отметить, что в обоих изданиях нет указания на наличие расширения на концах прорези; в иллюстрациях полной аналогии отлинскому экземпляру нет. Наибольшим сходством с ним обладают нижние части грушевидных бубенчиков с линейной прорезью и поперечным швом, которые М. В. Седова датирует второй половиной XIII–XIV в. [19, с. 156–157].

Заключение

Раскопки 2024 г. Отлинского-1 могильника дали очень интересный результат, в значительной мере изменяющий имевшиеся ранее представления об этом памятнике. Несмотря на небольшую вскрытую площадь (64 кв. м) и ограниченное количество исследованных захоронений, можно говорить о своеобразии его погребального обряда. Даже беглое сравнение показывает, изученные погребения Отлинского-1 могильника стоят особняком в ряду раскопанных ранее вымских некрополей. Здесь не встречены признаки, которые считаются господствующими среди известных памятников. Не нашли подтверждения кремация или биобрядность захоронения, напротив, оба найденных костяка похоронены по обряду ингумации в скорченной позе на боку. Ямы Отлинского-1 могильника меньше по

размерам, чем на других памятниках, в них не встречены остатки внутримогильных конструкций или береста. Следы использования огня в погребальном обряде можно считать только обугленные плахи, вероятно, перекрывавшие погребение на уровне дневной поверхности, а не лежавшие на дне. Возможно, именно на них сжигали вещи умершего. Нет причин считать скопления мелких фрагментов кальцинированных костей и фрагментов обугленного дерева на территории могильника остатками поминальной тризны, синхронной времени обустройства погребений; это следы грабительских действий при разрушении ОАН.

Сходство погребального обряда Отлинского-1 и других вымских могильников проявляется в топографии и расположении могил: рядами и/или обособленными группами на песчаной дюне с ориентацией ям на палеорусло реки.

Как указывалось выше, датировка памятника затруднена из-за немногочисленности и плохой сохранности вещей, подвергшихся действию огня. В качестве предварительной даты для изученных могил Отлинского-1 могильника можно установить XIII–XIV вв. и отнести их к позднему этапу вымской культуры. Однако данная датировка во многом опирается на единственный предмет, который уверенно относится к ее развитой поре, поэтому для окончательных выводов требуется продолжение раскопок на большой площади. Скудность инвентаря, отсутствие

оружия, керамики, орудий труда, также не характерные для погребений большинства вымских некрополей, могут объясняться особенностями духовной культуры и погребального обряда, группы населения, оставившего его.

Тем не менее нужно еще раз подчеркнуть, что все намеченные тезисы имеют предварительный характер и требуют проверки дальнейшими работами на памятнике и углубленным сравнительным анализом погребального обряда Отлинского-1 могильника с другими памятниками вымской культуры.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Археологическая карта Республики Коми / отв. ред. В. Н. Карманов. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2014. – 416 с.
2. Научный архив Национального музея Республики Коми. Д. 460. Л. 14–16.
3. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Р-1. № 50123, 50124. Л. 45–46, 130–143.
4. Сидоров, А. С. Памятники древности в пределах Коми края. По археологическим разведкам (Продолжение) / А. С. Сидоров // Коми му. – 1925. – № 1 (11). – С. 40–50.
5. Шапова, Ю. Л. О происхождении некоторых типов древнерусских бус / Ю. Л. Шапова // Советская археология. – 1962. – № 2. – С. 81–96.
6. Савельева, Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. / Э. А. Савельева. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. – 200 с.
7. Савельева, Э. А. Ыджыдъяльский могильник / Э. А. Савельева. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2014. – 120 с.
8. Савельева, Э. А. Бусы Пожегского городища / Э. А. Савельева, Н. А. Павлова // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье: материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 12. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. – С. 158–175.
9. Шапова, Ю. Л. Стекло Киевской Руси / Ю. Л. Шапова. – М.: Издательство Московского университета, 1972. – 213 с.
10. Львова, З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi как исторический источник / З. А. Львова / Андрей Чернов. Стихи и исследования. – URL: https://chernov-trezin.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm#_ftnref3 (дата обращения: 06.02.2025).
11. Курышова, Н. П. Классификация бус из кочевнических погребений золотоордынского времени / Н. П. Курышова // Поволжская археология. – 2012. – № 1. – С. 204–215.
12. Бусяцкая, Н. Н. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) / Н. Н. Бусяцкая. – URL: <https://opentextnn.ru/history/archeology/library-archeology/busjatskaja-n-n-steklannye-izdelija-gorodov-povolzhja-xiii-xiv-vv/?ysclid=m6ufbuxst6693680316> (дата обращения: 07.02.2025).
13. Савельева, Э. А. Жигановский могильник / Э. А. Савельева. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. – 456 с.

14. Савельева, Э. А. Пожегское городище / Э. А. Савельева, М. В. Клёнов. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 278. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1992. – 34 с.
15. Савельева, Э. А. Вадъягский могильник / Э. А. Савельева // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе: материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 4. – Сыктывкар, 1973. – С. 47–66.
16. Карачаров, К. Г. Погребальная керамика Сургутского Приобья XIII–XV вв. / К. Г. Карачаров // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. – С. 205–218.
17. Мальм, В. А. Привески-бубенчики / В. А. Мальм, М. В. Фехнер // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.: Труды Государственного исторического музея; вып. 43. – М.: Советская Россия, 1967. – С. 133–148.
18. Лесман, Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) / Ю. М. Лесман // Материалы по археологии Новгорода. 1988. – Новгород: Новгородский государственный объединенный музей, 1990. – С. 29–98.
19. Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. – М.: Наука, 1981. – 195 с.

References

1. Arkheologicheskaya karta Respubliki Komi [Archaeological map of the Komi Republic] / Ed. V. N. Karmanov. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2014. – 416 p.
2. Nauchnii arhiv nacionalnogo muzeya Respubliki Komi [Scientific Archive of the National Museum of the Komi Republic]. D. 460. L. 14–16.
3. Nauchno-otraslevoi arhiv Instituta arheologii RAN [Scientific – Branch Archive of the Institute of Archeology, RAS]. P-1. № 50123, 50124. L. 45–46, L. 130–143.
4. Sidorov, A. S. Pamyatniki drevnosti v predelakh Komi kraja. Po arkheologicheskim razvedkam (Prodolgenie) [Ancient sites within the Komi region. On archaeological exploration (continued)] / A. S. Sidorov // Komi mu [Komi land]. – 1925. – № 1 (11). – P. 40–50.
5. Shchapova, Yu. L. O proiskhozhdenii nekotorykh tipov drevnerusskikh bus [About the origin of some types of ancient Russian beads] / Yu. L. Shchapova // Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archeology]. – 1962. – № 2. – P. 81–96.
6. Savelyeva, E. A. Vymskie mogilniki XI–XIV vv. [Vym burial grounds of the XI–XIV centuries] / E. A. Savelyeva. – Leningrad: Leningrad University Publ. House, 1987. – 200 p.
7. Savelyeva, E. A. Ydzhydelskii mogilnik [Ydzhydyl burial ground] / E. A. Savelyeva. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2014. – 120 p.
8. Savelyeva, E. A. Busy Pozhegskogo gorodishcha [Beads of the Pozheg settlement] / E. A. Savelyeva, N. A. Pavlova // Vzaimideystvie kultur Severnogo Priuralya v drevnosti i srednevekovye [The interaction of cultures of the Northern Pre-Urals in Antiquity and the Middle Ages]; Materials on the archeology of the European Northeast. Issue 12). – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1993. – P. 158–175.

9. Shchapova, Yu. L. Steklo Kievskoi Rusi [The Glass of Kiev Rus] / Yu. L. Shchapova. – Moscow: Moscow University Publ. House, 1972. – 213 p.
10. Lvova, Z. A. Steklyannye busy Staroi Ladogi kak istoricheskii istochnik [Glass beads of Staraya Ladoga as a historical source] / Z. A. Lvova / Andrei Chernov. Stikhi i issledovaniya [Poetry and Research]. – URL: https://chernov-trezin.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm#_ftnref3 (accessed: 06.02.2025).
11. Kuryshova, N. P. Klassifikatsiya bus iz kochevnicheskikh pogrebenii zolotoordynskogo vremeni [Classification of beads from nomadic burials of the Golden Horde period] / N. P. Kuryshova // Povolzhskaya arkheologiya [Volga Region Archeology]. – 2012. – № 1. – P. 204–215.
12. Busyatskaya, N. N. Steklyannye izdeliya gorodov Povolzhya (XIII–XIV vv.) [Glass products of the Volga region towns (XIII–XIV centuries)] / N. N. Busyatskaya. – URL: <https://opentextnn.ru/history/arkheology/library-arkheology/busyatskaya-n-n-steklyannye-izdeliya-gorodov-povolzhya-xiii-xiv-vv/?ysclid=m6ufbuxst6693680316> (accessed: 07.02.2025).
13. Savelyeva, E. A. Zhiganovskii mogil'nik [Zhiganov burial ground] / E. A. Savelyeva. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2010. – 456 p.
14. Savelyeva, E. A. Pozhegskoe gorodishche [Pozhegsk settlement]. Series of pre-prints «Scientific reports»; Issue 278 / E. A. Savelyeva, M. V. Klyonov. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1992. – 34 p.
15. Savelyeva, E. A. Vadyagskii mogilnik [Vadyag burial ground] / E. A. Savelyeva // Poseleniya kamennogo i medno-bronzovogo veka na Pechore i Use [Settlements of the Stone and Copper-Bronze Age on Pechora and Usa]: Materials on the archeology of the European North-east; Issue 4). – Syktyvkar. 1973. – P. 47–66.
16. Karacharov, K. G. Pogrebnaya keramika Surgutskogo Priobya XIII–XV vv. [Funerary ceramics of the Surgut Ob-Region of the XIII–XV centuries] / K. G. Karacharov // Issledovaniya po srednevekovoi arkheologii lesnoi polosy Vostochnoy Evropy [Research on medieval archeology of the forest belt of Eastern Europe]. – Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, Literature, Ural Branch, USSR Ac. Sci., 1991. – P. 205–218.
17. Mal'm, V. A. Priveski-bubenchiki [Pendants-Bells] / V. A. Mal'm, M. V. Fekhnner // Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. [Essays on the history of the Russian village of the X–XIII centuries: Proc. of the State Historical Museum; Issue 43. – Moscow: Soviet Russia, 1967. – P. 133–148.
18. Lesman, Yu. M. Khronologiya uvelirnykh izdelii Novgoroda (X–XIV vv.) [Chronology of adornments of Novgorod (X–XIV centuries)] / Yu. M. Lesman // Materialy po arkheologii Novgoroda. 1988 [Materials on the archeology of Novgorod. 1988.]. – Novgorod: Novgorod State United Museum, 1990. – P. 29–98.
19. Sedova, M. V. Uvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Adornments of ancient Novgorod (X–XV centuries)] / M. V. Sedova. – Moscow: Nauka, 1981. – 195 p.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации госзадания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме НИР «Выявление, изучение и сохранение археологического наследия северо-востока Русской равнины» (№ ГР 1023032400490–4–6.1.2).

Автор выражает благодарность А. С. Макарову, Н. А. Конюхову, А. Р. Игушеву, Д. П. Мирошнику, П. А. Бешкареву, Е. В. Гурович, А. О. Басенко, А. И. Волкову, С. Л. Муравскому, В. Е. Сундуковой, К. О. Зорину, участвовавшим в раскопках Отлинского-1 могильника; а также специалистам, проводившим камеральные исследования костных останков, А. Л. Бобрецову, Т. А. Пантелеевой.

Acknowledgements (state task):

The research was carried out within the frames of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, on the research topic «Identification, study and preservation of the archaeological heritage of the northeast of the Russian Plain» (№ ГР 1023032400490–4–6.1.2).

Thanks to: A. S. Makarov, N. A. Konyukhov, A. R. Igushev, D. P. Miroshnik, P. A. Beshkarev, E. V. Gurovich, A. O. Basenko, A. I. Volkov, S. L. Muravsky, V. E. Sundukova, K. O. Zorinov, who participated in the excavations of the Otlinsky-1 burial ground; as well as specialists, A. L. Bobretsov and T. A. Panteleeva, who conducted cameral examinations of bone remains.

Информация об авторе:

Белицкая Анастасия Леонидовна – младший научный сотрудник сектора сохранения и популяризации археологической науки Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; Scopus Author ID: 58220542200, ORCID: 0000-0003-4773-0310, SPIN-код: 9996-9055 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: belitskaia522@yandex.ru).

Author:

Anastasiya L. Belitskaia – junior researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; Scopus Author ID: 58220542200, ORCID: 0000-0003-4773-0310, SPIN-code: 9996-9055 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: belitskaia522@yandex.ru).

Для цитирования:

Белицкая, А. Л. Могильник Отлинский-1 (итоги раскопок 2024 года) / А. Л. Белицкая // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 3 (88). – С. 22–34.

For citation:

Belitskaia, A. L. Burial ground Otlinsky-1 (excavation results 2024) / A. L. Belitskaya // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 3 (88). – P. 22–34.

Дата поступления статьи: 15.11.2025

Прошла рецензирование: 15.11.2025

Принято решение о публикации: 30.01.2026

Received: 15.11.2025

Reviewed: 15.11.2025

Accepted: 30.01.2026